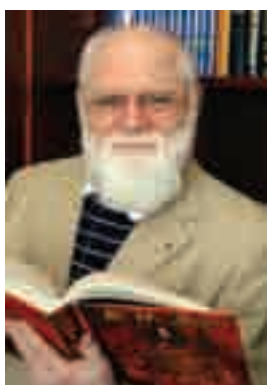

Освещённый минутой

Рассказы

Виктор СЛИПЕНЧУК

Виктор Слипенчук – известный русский поэт и прозаик, исповедующий в своих произведениях непобедимость добра.

Его книги переведены и изданы в Японии, Китае и Украине. Также готовятся к изданию произведения во Франции, Сербии, Вьетнаме. По мотивам романа «Зинзивер» в Московском Театре Наций с успехом шёл спектакль «Роман без ремарок».

Имя Виктора Слипенчука присвоено одной из российских библиотек в Приморском крае (с. Черниговка).

Посвящается
Евгении Александровне
и Андрею Петровичу
КАПИЦАМ

Книга Роберта Юнга «Ярче тысячи солнц» об учёных-атомищиках потрясла меня. Именно из неё узнал о талантливейшем физике, ученике Резерфорда, Петре Капице. Так что когда на Алтай приехал его сын Андрей (он только что вернулся с Антарктиды) и мне поручили подготовить телепередачу с его участием, я был на седьмом небе. Мы с удовольствием цитировали подробности жизни учёных Европы и Америки — книга Юнга располагала к откровенной беседе.

Это было в конце 60-х, тогда в разговорах очень нехотя упоминалось имя Александра Солженицына, выдворенного из СССР. И тем не менее, на вопрос Андрея Петровича – какое произведение из современных писателей меня более всего зацепило? – не задумываясь, сказал: повесть «Один день Ивана Денисовича». Словом, по тем временам мы свободно говорили на весьма опасные политические темы.

Передача об Антарктиде по Барнаульскому ТВ прошла великолепно. А моё отношение к Петру Леонидовичу, вынесенное из книги Юнга, тронуло Андрея Петровича, и он сказал, чтобы, когда буду в Москве, позвонил ему. Такая возможность представилась, и Андрей Петрович и его жена Евгения Александровна организовали встречу с Петром Леонидовичем на даче. Я потом написал об этом рукописный текст, который (очень горжусь этим) сейчас находится в Англии в музее А.П. Капицы.

В своей первой книжке прозы «Освещённый минутой» цикл зарисовок и коротких рассказов посвятил Евгении Александровне и Андрею Петровичу. Некоторые из них представляю вашему вниманию.

НАЧАЛО

Мне семнадцать! Долой учебники! Здравствуй, жизнь! Я спрыгиваю с грузовика и бегу к роднику. Я бегу через заросли дикого винограда и шатры кишмиша, «Я-я-ге-о-лог!» — «Ох-ох!», — удивляется тайга.

И Васька, шофёр, кричит мне: «Дурак ты, что ли?» — «А-а-а!», — кричу я.

Солнце бушует над головой, и томительный сок жизни течёт в воздухе. Тайга дурманит голову. Море цветов кружит меня. Махаоны сидят на влажном песке и пьют воду. Родник смеётся, и солнце звенит в корнях деревьев. Я беру родник в руки, и родник уходит из рук. Я беру родник в фуражку, и серебряная нить расцветает радугой. «Ма-ма». — «А-а», — отзывается тайга, и голубая тень предков скользит меж деревьев.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

У родника трубили изюбры. Рёв раскатывался по тайге и, ударяясь о скалы, гас в чаще. Мы сидели у костра и думали о Матвее. Матвей пропал пять дней назад. Сегодня из центра экспедиции сообщили, что в посёлке он не появлялся. Матвей заблудился, идя на просеку.

Пламя плясало, и тревожные тени деревьев шевелились за нашими спинами.

Из палатки вышел Мочалин и начал стрелять в воздух. Он стрелял дуплетом, и пламя красной струёй, вылетая из ствола, освещало бороду Мочалина.

Матвей — друг Мочалина. Мочалин делал по пять выстрелов три раза за ночь, и мы не могли к этому привыкнуть.

Утром я проснулся от странного беспокойства.

— Матюша вернулся! Ма-тю-ша! — кричал Мочалин.

Я выскочил из палатки. Солнце розовыми лучами скользило по верхушкам деревьев и переливалось в цветастых листьях дикого винограда. За столиками, где мы обычно завтракали, толпились полуголые парни. Я побежал к ним и чуть не столкнулся с Мочалиным. Он обеими руками держал бутылку спирта.

— Матюша вернулся, — выдохнул Мочалин и обогнал меня.

На траве лежал комок изорванного, окровавленного, перепутанного с тряпьем человеческого страдания. Комок вздрагивал. Мочалин, осторожно отдирая лоскуты тряпок и кожи, причитал:

— Матюша, умереть не дам. Не дам, Матюша.

Комок рыдал, и начальник отряда сказал:

— Это хорошо, что плачет, — значит, рассудок цел. Вечером, весь перебинтованный, как привидение, из палатки вылез Матвей. Мочалин его поддерживал.

— Стреляй, Матюша, в воздух, стреляй — может, и правда, кто-нибудь ещё блудит. Матвей выстрелил три раза и отдал ружьё.

— Хватит, надо беречь патроны. — Он вернулся в палатку.

Мы сидели у костра до самого утра. Ночь считала звёзды. Иногда она их сбивала, и тогда крупные, как яблоки, они падали в тайгу.

Изюбры трубили, и рысь мягко покачивалась на ветках. В палатке Мочалина горел свет. Там в безопасности и тепле под зорким наблюдением друга спал Матвей.

БРАТЬЯ

Вовка был старшим, а Эдька младшим. Эдьке было семнадцать, а Вовке девятнадцать. На целых два года Вовка был старше Эдьки, и Эдька завидовал Вовке.

Эдька был фантазёром, а Вовка был старшим братом.

— Вовка, ты думаешь, тебя куда возьмут?

— Кто знает.

— А куда хочешь?

— В авиацию.

— Да, там сильно. Представляешь: два часа — и в Москве... Сколько до Москвы?

— Тысяч шесть.

— Представляешь: два часа — и в Москве!

Эдька был фантазёром, а Вовка был старшим братом. Вовка шёл в военкомат, а Эдька провожал Вовку и завидовал.

— Вовка, а, говорят, в армии братьям льготы. Например, когда я пойду... меня направят к тебе. Постановление такое есть насчёт братьев.

— Может быть.

Вовка поправил рюкзак и пошёл быстрее.

Они шли по новой дороге и надеялись быть на Бурее к полудню. Они шли по краснеющей бруснике и считали зарубки. Зарубки на деревьях указывали дорогу. Сбиться с новой дороги в тайге дважды два.

— Сейчас бы на самолёте жик — и в Чегдомыне!

— Шагай, жик.

Вовка любил Эдьку. Вовка любил Эдьку за то, что Эдька младший брат, а он, Вовка, старший.

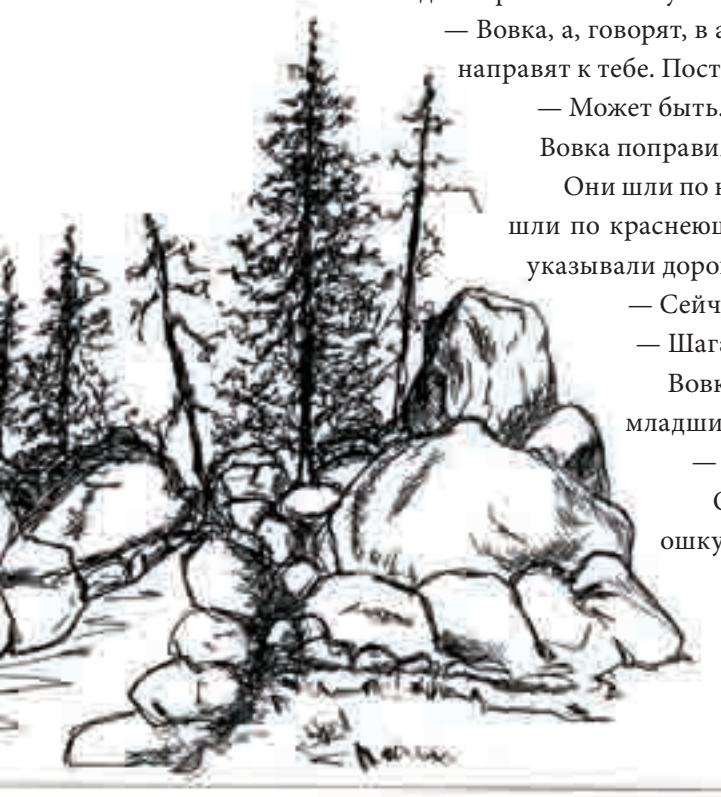
— Как жикнем с дороги, так будешь знать.

Они пошли быстрее. Когда они вышли к Бурее и сели на ошкуренный кедр, солнце стояло над самой головой.

— Смотри, какая маленькая тень, — сказал Эдька.

— Тот-то.

Вовка толкнул свой рюкзак, и он повалился в траву.

— Матери пиши и деньги высылай, понял?

— Понял.

Эдька смотрел на Бурею, и ему было жалко, что Вовка идёт в армию один. Эдьке всегда хотелось быть с Вовкой, он даже из-за этого в техникум поступать не стал, а сразу приехал сюда, к Вовке.

— Если Скоморох придраться будет, не гонорись. На шурфы ходи с Губкиным.

— Да ты это говорил.

— Мало что говорил, ты Скомороха не знаешь, он за нож срок тянул. Их вон целая компания в пятьдесят первой.

— Пусть только заденет!..

— Ты это брось... На шурфы с Губкиным, понял?

— Да, понял.

Эдька толкнул свой рюкзак ногой, и он тоже повалился в траву.

— Вовка, а Губкин думает уходить в двадцать четвертую... она за Уссурийском.

— Я там был, там даже в августе купаются вовсю.

Они замолчали и стали смотреть на Бурею.

Бурья качала воду, как гигантский насос. Она гнала её с такой силой, что при взгляде на неё кружилась голова.

Изрытая воронками, Бурья казалась кипящей, но от неё тянуло мёртвым холодом.

— Водовороты — как колёса... Вовка, метров триста будет?

— Двести, — Вовка встал и потянулся. — Сейчас возьму и переплыву.

— Переплывёшь?!

Эдька не поверил. Нет, Эдька поверил, но всё равно жутковато...

— Попробую, — сказал Вовка.

— Я тоже попробую, — сказал Эдька и посмотрел при этом на Вовку так, что Вовка согласился:

— Ладно, только достань капроновый шнур.

Они разделись и вытащили из брюк ремешки. Ремешками они притянули трусы.

— А то водой стянет, — засмеялся Эдька.

Вовка смеяться не стал. Он смотрел на тот берег. Они стояли рядом, и Эдька подбородком касался Вовкиного плеча. Вовка был широкоплечим и высоким. Вовка был сильным. Эдька был тоньше и чуть ниже. Эдьк уступал Вовке в силе на целых два года. Вовка подошёл к Эдьке и, протянув под ремешком шнур, завязал его на два узла. Эдька сделал то же самое, но шнур завязал на бантик. Тогда Вовка сам завязал его на два узла и затянул.

— Теперь так: по счёту разгоняемся и прыгаем.

Вовка ещё раз проверил шнур. Шнур был длиной метров десять.

— Три! — крикнул Вовка, и они разом бросились в воду.

Они вынырнули сразу, но их уже отнесло метров на пятнадцать вниз.

— Горячо... кипяток! — заорал Эдька.

— А-а!.. — заорал Вовка.

Они гребли руками и ногами изо всех сил. Вода была ледяной. Они гребли изо всех сил, чтоб нагреться. Эдька почти не отставал от Вовки до самой середины. Потом его стало относить всё сильнее и сильнее.

Разрыв между ними выровнялся.

Они никак не могли преодолеть середину, и Буря понесла их всё дальше и дальше.

— Эдька, смотри слева!

Слева у Эдьки кипела воронка, вокруг неё вода пенилась и шипела.

Эдька увидел воронку слишком поздно.

Вовка почувствовал, как шнур натянулся, и его потянуло вниз.

Он глотнул воздух и бросил своё тело по течению. Он бросил его с такой силой, что, когда, пролетев воронку, шнур вновь натянулся и Вовку тряхнуло, ему стало больно в животе.

Вовка работал руками и ногами, он грёб, как мельница. Он не смотрел влево, он боялся не увидеть Эдьки. Шнур тянул Вовку теперь не так сильно, но до берега было ещё далеко. Когда до берега осталось метров десять, пальцы правой ноги кто-то стал выкручивать с такой силой, что, только мысленно разминая их, Вовка не закричал.

Он даже не подумал, что это судорога, потому что Вовка думал не о себе.

Он вытащил Эдьку на полуметровую полоску земли у самой воды. Берег был крутым и неудобным.

Он вытащил Эдьку и положил на живот. Он начал разводить ему руки и разминать тело. Он очень спешил, а Эдька лежал, безучастный, лицом в песок, как будто он никогда не был Вовкиным братом.

Предчувствуя огромное горе, Вовка торопился. Он растирал тело и поджимал Эдьке ноги. Он раскрыл ему рот и поднял за ноги.

Он тряс Эдьку, и Эдькины руки так странно прыгали по песку, что Вовка опять положил Эдьку.

Эдька оставался безучастным, и Вовка стал умолять его.

— Эдик, вставай. Вставай, Эдик, мы уже на берегу.

Когда обессилив от усталости и горя, Вовка упал и зарыдал, Эдька вдруг шевельнулся, и вода фонтаном пошла из его рта.

Вовка не видел этого, он лежал, уткнувшись в сырой песок, и в первый раз за последние три месяца некому было позавидовать ему. А позавидовать стоило потому, что Эдька, открыв глаза, и чуть-чуть привстав, с удивлением смотрел на Вовку — своего старшего брата. ▲

